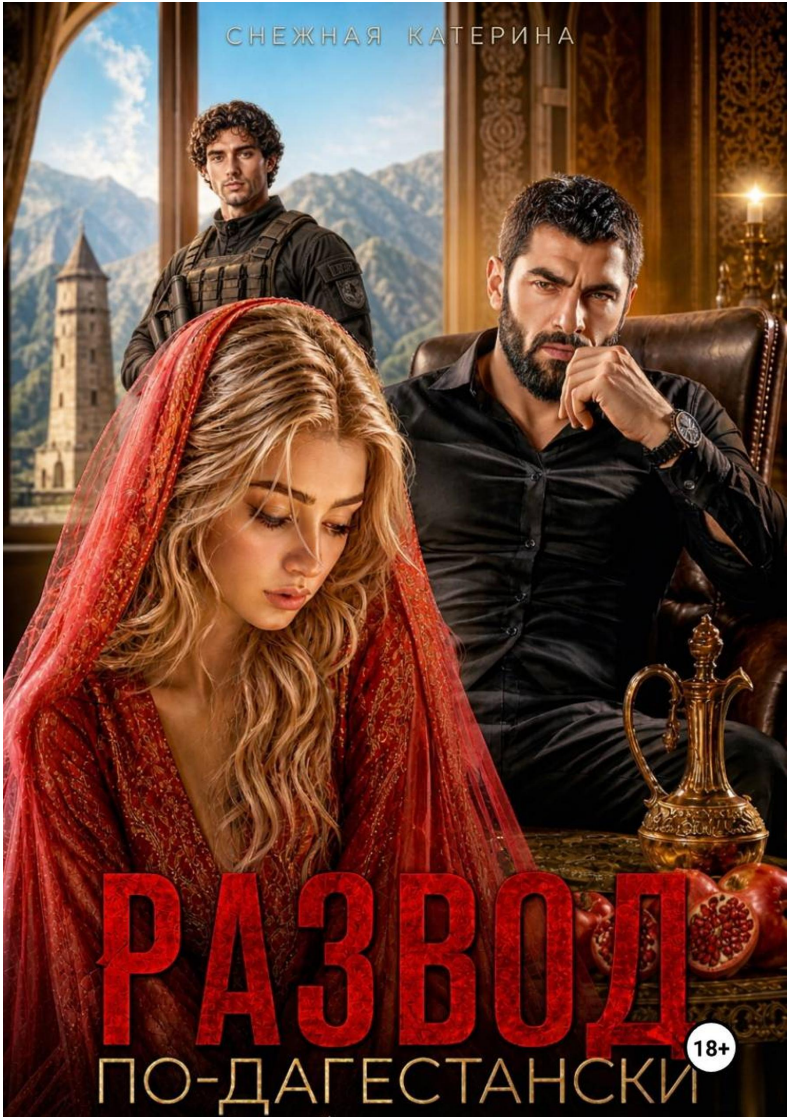

СНЕЖНАЯ КАТЕРИНА
РАЗВОД
ПО-ДАГЕСТАНСКИ
18+

Катерина Снежная

Развод по-дагестански - 1

https://litres.ru/74711549
SelfPub; 2026

Аннотация

Брат предал нас. Отец продал меня Шамилю Адаеву ради спасения тухума.

Два сильных клана Махачкалы решили, что моя судьба предопределена.

Они ошиблись.

В эту кровавую игру вступает Эмин Махачев — молодая кровь, дерзкий лидер теневого бизнеса и сын их злейшего врага. Он не признает чужих сделок и готов драться за меня до последнего.

История безумной страсти, намыса и позора рода, который смывается кровью.

Содержание

Глава 1 4
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Катерина Снежная
Развод по-дагестански - 1

Глава 1

Отец всегда говорил, что Амина доведет меня до беды. Если бы он только знал, где мы сейчас, нас обеих ждал бы грандиозный скандал. А Рустаму, моему брату, пришлось бы отвечать перед всем нашим тухумом за то, что он недоглядел.

Но Рустам слеп, когда дело касалось Амины. Между ними давно тянулся странный, тягучий флирт, искрящийся при каждой встрече. Брат смотрел на нее так, словно был готов сорваться в любую секунду, а она… Амина просто играла с ним. Впрочем, как и всегда.

Я приехала домой на летние каникулы после тяжелого года в университете, и Аминка — моя испорченная, безрассудная подруга — сразу взяла меня в оборот.

— Еся, ты совсем зачахнешь со своими дурацкими книжками, — ныла она, заталкивая меня в затонированный в «бункер» черный внедорожник. — Сегодня отдыхаем, отдыхаем и еще раз отдыхаем! Никаких отговорок.

И вот мы здесь. Типа, отдыхаем…

Трехэтажный частный особняк на окраине Каспийска был скрыт за высоченным кирпичным забором с коваными воротами. Снаружи — глухая тишина и темнота, никаких признаков жизни. Но стоило переступить порог, как на нас тут же обрушились тяжелые басы, приглушенный смех молодежи и густой, сладкий дым.

Здесь текла совсем другая жизнь. Та, которую никогда не увидишь на улицах Махачкалы в открытую.

Девушки, которые днем кутались в строгие закрытые одежды или прятали волосы, сейчас щеголяли перед гостями в облегающих платьях с ярким макияжем. На столах, вопреки всем законам и традициям, стояли бутылки с дорогим импортным алкоголем, а в воздухе висел удушливо-сладкий аромат яблочного кальяна.

Я чувствовала себя не в своей тарелке. Забившись в угол огромного кожаного дивана, я нервно теребила подол скромного платья, пока Аминка, расслабленно откинувшись на спинку, выпускала изо рта кольца дыма.

— Расслабься уже, — усмехнулась она, глядя на мое перепуганное лицо. — Здесь все свои. Никто из чужих не узнает.

— Отец убьет меня, если узнает, где я. А Рустам…

— Твой Рустам сейчас спит и видит меня во снах, — она довольно улыбнулась, но тут же ее лицо стало серьезным и даже немного циничным. — Знаешь… Меня ведь сватают. За Шамиля Адаева.

У меня перехватило дыхание. В городе все знали фами-

лию Адаевых. Бессердечные, влиятельные люди, а сам Шамиль пользовался репутацией человека, чье имя старались лишний раз не произносить вслух. Ну, по крайней мере, без уважительной причины.

— Но… как же так? — прошептала я, округлив глаза. — Ты ведь не хочешь этого!

— Хочу, не хочу — кого это волнует? Семьи договорились, никах не за горами. — Амина пожала плечами, а затем хитро сверкнула глазами и наклонилась к моему уху. — Но знаешь что? До того, как меня запрут и сделают идеальной женой, я хочу хотя бы раз посмотреть вживую на мужское хозяйство. Не на картинке. Понимаешь?

Я поперхнулась воздухом, и краска моментально мне залила щеки.

— Ты совсем с ума сошла?!

— Я просто хочу жить, Есь, пока могу, — она рассмеялась, откидываясь назад.

Я нервно обвела взглядом зал, пытаясь прийти в себя от ее слов, и вдруг… замерла.

На противоположной стороне гостиной, прислонившись плечом к арке, стоял парень. Высокий, широкоплечий, в темной рубашке, расстегнутой на пару верхних пуговиц. В одной руке он держал стакан с янтарной жидкостью. Даже при короткой стрижке было заметно, что волосы у него вьются. Черноволосый, темноглазый, с резко очерченными скулами и спортивной фигурой, он смотрел прямо на меня. И мне хо-

телось сквозь землю провалиться. Буквально вчера я надерзила ему прямо в кабинете отца. И теперь по позвоночнику бежала ледяная дрожь. Вокруг парня стояли люди, пара красивых девушек откровенно вились рядом, пытаясь привлечь его внимание, но он словно не замечал их. Его глаза безотрывно изучали мое лицо, словно прицеливаясь.

Аминка проследила за моим взглядом, и ее веселость как рукой сняло.

— Опусти глаза, Еся. Немедля, — прошипела она, неожиданно хватая меня за запястье. — Это же Эмин Махачев.

— Знаю, — я послушно отвела взгляд, но все равно чувствовала кожей его тяжелое внимание.

Ох, зря я ему надерзила. Зря… Мои мысли так и бурлили вокруг вчерашнего, в то время как Аминка не унималась:

— После того как убили их отца, он и его брат подмяли под себя часть порта. Они сейчас так стремительно поднимаются, говорят, не признают никаких правил. К этому лучше вообще не приближаться. Хотя нужно признать: красив, засранец. И почему все плохиши такие няшечки? Вот скажи!

Я сглотнула, снова бросив короткий взгляд из-под ресниц в сторону арки. Эмин по-прежнему смотрел на меня. Уголок его губ едва заметно дрогнул, словно он прочитал мои мысли. Он и в самом деле был пугающе красив: дерзкие, хищные черты лица, темная щетина и аура непробиваемой уверенности в себе.

Вечер набирал обороты. Музыка стала громче, воздух —

еще более душным. Я чувствовала, как напряжение сковывает мои мышцы. Взгляд Эмина преследовал меня, прожигал насквозь, но сам он куда-то ушел.

— Ты слишком зажата, — повторяла Аминка, протягивая мне бокал с апельсиновым соком. — Выпей. Обычный сок, не бойся. Хоть немного расслабишься.

Я с сомнением посмотрела на стакан, но в горле от волнения пересохло, и я сделала несколько глотков. Сок показался немного странным на вкус, с едва уловимой горчинкой, но холодная жидкость приятно освежила.

Спустя минут десять музыка вдруг начала казаться слишком громкой. Цвета неоновых ламп поплыли, сливаясь в яркие пятна. Я моргнула, пытаясь сфокусировать зрение, но комната вдруг расплылась перед глазами. Жар, неестественный и сухой, поднялся от живота к груди.

— Амина… — пробормотала я, чувствуя, как немеют губы. — Мне что-то… нехорошо…

Она недовольно цокнула языком и бесцеремонно вырвала стакан из моих дрожащих пальцев.

— С каких пор от легкого успокоительного бывает плохо? — фыркнула, смерив меня презрительным взглядом. — Вот же ты трусиха, Еся, просто позор. Женщина не должна быть такой слабой.

Она схватила меня за руку и, не слушая никаких возражений, потащила куда-то к лестнице. Ступеньки плыли под ногами. Головокружение накатывало волнами, с каждым ша-

гом становясь всё сильнее, а сердце колотилось так, словно хотело пересчитать мне ребра.

— Мы в туалет?

Амина лишь закатила глаза, издав свой фирменный тяжелый вздох в стиле «за что мне это наказание», и потянула меня дальше по длинному коридору. Я плелась за ней, словно послушная собака, лишенная собственной воли, и тщетно пыталась сфокусировать зрение, пока мы не оказались у самой дальней двери на втором этаже.

— А где ванная?

— Да тише ты, не ори! — зло прошипела она, заталкивая меня в кромешную темноту чужой спальни и плотно прикрывая за нами дверь. — Потом сходишь. Ты только посмотри…

Мои глаза постепенно привыкали к густому мраку. Окна были плотно зашторены, но сквозь приоткрытую створку задувал ночной каспийский ветер. Край тяжелой портьеры гулял из стороны в сторону, впуская в комнату куцые полосы лунного света. В одну из таких вспышек я увидела это и инстинктивно шатнулась назад.

На широкой кровати лежал парень.

Реально парень.

Он лежал неподвижно, раскинув руки, и из-за глубоких теней я даже не смогла понять, кто именно это — кто-то из накачавшихся алкоголем гостей или сам хозяин дома. Я в ужасе уставилась на подругу.

Амина, до боли сжав мои пальцы, потащила нас обеих прямо к кровати.

— Что мы тут… — пискнула, упираясь ногами в ковер.

— Ш-ш-ш! Молчи, — шептала она, лихорадочно блестя глазами в темноте. — Я хочу увидеть его ч…

— Что?!

Я дернулась, как облитая кипятком, вырывая руку. Паника с кошмарным предчувствием окатила с ног до головы, на секунды проясняя ум. С ума сошла!? Если кто-то зайдет и увидит нас здесь, наедине с чужим парнем в спальне — нам конец. Такой позор, от которого не отмоется ни мой тухум, ни мой брат Рустам!

— Дикая, что ли?! Интернета нет?! Посмотри там!

Амина быстро полуобернулась ко мне, обдав запахом сладкого кальяна, и горячо зашептала прямо в ухо:

— Я вживую! Хочу-не видела. Это не одно и то же! Он лежал поверх покрывала абсолютно неподвижно.

— Он либо спит, либо вообще в отключке, — заметила я как можно громче, надеясь, что мой голос пробьется сквозь ее безумие и хоть немного приведет в чувство.

Амина аж подпрыгнула на месте от неожиданности и едва не испепелила меня взбешённым взглядом.

— Вот же ты стерва, Еся! —прошипела она зло, до боли впиваясь наращенными ногтями в мое предплечье. — Я тебя вовек не прощу, если ты сейчас сдрыснешь!

— А ты просто дура, — выдохнула я, чувствуя, как перед

глазами снова всё плывет от этого чертова сока с успокоительным.

Она упрямо дернула меня на себя, подтаскивая вплотную к краю постели. Очередной порыв ветра откинул штору, и луна ярко осветила лицо спящего. У меня внутри всё оборвалось, а сердце рухнуло куда-то в желудок. Не хватало оставить его содержание прямо в этой чертовой комнате.

Это был Эмин.

Глаза были закрыты, широкая грудь мерно вздымалась. От него исходил легкий дух крепкого дорогого алкоголя, смешанный с нотками сигаретного дыма. Даже в отключке от него веяло угрозой, словно мы подобрались к спящему волку, который мог в любую секунду проснуться и перегрызть нам глотки. Вот о чем думает Аминка? О чем? Совсем больная!

Я судорожно сглотнула, искренне надеясь, что его вид остудит ее пыл и она наконец передумает. Но куда там! Амина же, первая шкода на всем Каспии, для которой не существовало ни тормозов, ни отцовского ремня, уже бесцеремонно забралась с коленями прямо к нему на край кровати. Нависла над спящим. Осталось только что-то сделать эдакое! Заорать в ухо, напугать до чертиков, воткнуть…

Я обвела языком вмиг пересохшие губы. Интересно, у кого из нас двоих меньше мозгов? У нее, творящей этот харам на чужой постели, или у меня, стоящей рядом столбом?

— Пошли отсюда, — умоляюще шипела я, молясь всем

известным богам о ее благоразумии.

Но Амина меня не слышала. Она завороженно скользила взглядом по его лицу, по темным густым кудрям, рассыпавшимся по подушке, затем перевела глаза ниже — на черную рубашку, обтягивающую мощный торс, и, наконец, опустила взгляд на его темные спортивные штаны.

Внезапно замерла, вскинула голову и посмотрела на меня взбудораженным, горящими от адреналина глазами.

— Смотри… — одними губами, почти в экстазе прошептала она, указывая дрожащим пальцем вниз. — У него во сне стояк.

Тут же потянулась к его поясу и аккуратно потянула за шнурки.

У меня внутри всё оборвалось от ужаса и настоящего шока. Она и в самом деле безбашенная! Просто сумасшедшая! Если он проснется… нам не конец. Нам будет фирменный пиз…

— Так, иди сюда, или мы больше не подруги, — весело прошептала она, заметив мои отчаянные попытки отползти. — Еся, я сейчас как заору на весь дом! Мало не покажется!

Я подавила отчаянный, разочарованный вздох, против воли поддаваясь вперед. Если она действительно заорет — а с нее станется, тормоза у нее давно сорвало, будет в тысячу раз хуже. Сбежится вся тусовка. Нас увидят, и тогда такого позора не оберешься, что брат меня просто придушит собственными руками. Пьяная Аминка трезвой не подружка, а

мне в таком неадекватном состоянии так вообще злейший враг.

Дрожа всем телом, я тоже неуклюже залезла с коленями на кровать. Тем временем цепкие, быстрые руки подруги уже наглым движением стаскивали со спящего Эмина штаны вместе с бельем. У меня сердце заходилось от дикого страха и абсурдности происходящего. Ну просто зрелище «люкс прайм» — приватное шоу для двух беспросветных дурочек или законченных сумасшедших, которым жить надоело.

Очередной порыв ветра с залива отодвинул шторку, впуская в спальню яркий лунный свет. И перед нашими глазами предстало обнаженное мужское естество во всей своей пугающей, тяжелой готовности на фоне темных волос.

Я впала в какой-то глухой ступор. Рассматривала его секунду, чувствуя, как щеки полыхают пламенем стыда, а затем в панике перевела взгляд на Амину. Та, коза такая лыбилась во весь рот, едва ли не светясь от восторга.

— Довольна? — одними губами, в панике прошипела я. — Теперь мы можем уйти?!

— Вот еще! Щас, щас, погоди… Где телефон? — она судорожно захлопала по себе руками и недовольно ругнулась: — Черт, сотовый в кофте остался. Щас приду!

Резво соскочила с кровати и бегом кинулась вон из комнаты так, что я даже рта раскрыть не успела, чтобы остановить её. Дверь за ней захлопнулась, оставив меня в совершенном одиночестве на огромной кровати, в темной спальне с самым

опасным парнем в городе.

Очень мило!

Я нервно сглотнула. Бросила еще один загнанный, судорожный взгляд на Эмина, на его обнаженное хозяйство, от которого любую бы бросило в жар, и, стараясь даже не дышать, на четвереньках двинулась назад, к краю постели.

Его рука схватила меня за волосы, так неожиданно, что я вскрикнула.

Следующая секунда показалась мне вечностью.

Взгляд Эмина прожигал, припечатывал, заставлял гореть так, что любое наказание и позор в аду показались бы мне меньшим злом. Я дернулась. Он совершенно не стесняясь того, что оставалось меж нами торчать, порывисто приподнялся, удерживая, и воздух кончился разом, я хватанула ртом воздух, но не смогла издать ни звука.

— Отпусти, - выдала жалостливо на уровни мышиного писка.

Глаза Эмина смотрели прямо в душу, и не нужен был даже лунный свет, чтобы понять, что в них. Он потянул руку к себе, в то время как я упиралась ему в живот, пытаясь и пытаясь противостоять. Бесполезно. Его губы врезались, ворвался в мой рот, а в следующую секунду он уже вдавливал меня в кровать, целуя, и трогая. Я забилась под ним, вереща в губы и сопротивляясь, но моя возня и его действия растворялись в темноте комнаты.

Он не слышал или не хотел слышать.

— Прошу… отпусти… — мой голос окончательно сел до жалкого писка, я не могла с ним справиться.

На мгновение Эмин отстранился, тяжело и шумно дыша мне прямо в лицо. Запах табака, спиртного и кавказского мускуса окончательно одурманил мою и без того плывущую от успокоительного сока голову. Он зафиксировал мои запястья над головой, придавив их одной рукой, и наклонился так близко, что его щетина оцарапала щеку.

— Слушай сюда, — прорычал он, и в его голосе прорезалось жесткое дагестанское доминирование. — Ты сама пришла на мою постель. Сама сняла штаны. За такую суету на Кавказе спрашивают по полной. Я дам тебе выбор. Компромисс, жи есть. Либо мы делаем всё до конца, прямо сейчас, и ты уходишь отсюда моей женщиной… либо ты берешь это в свой рот и отрабатываешь свою дерзость. Выбирай. Быстро.

От его циничных слов слезы брызнули из глаз с новой силой. Краска адского стыда залила лицо. Отработать? Рот?!

— Ты совсем дурак! А … с дуба рухнул! Я ничего не снимала, это не я! — зашипела я, мотая головой. — Я отказываюсь! Отпусти меня, харам это, отпусти!

— Отказываешься? — в его глазах вспыхнул опасный, темный огонь. — Гордая, значит? Намыс свой бережешь?

Эмин глухо усмехнулся, но отпускать и не подумал. Вместо этого перехватил мою правую руку, освобождая ее из своего захвата, и силой потянул вниз. Не сжать кулак, не выкрутить пальцы, я упиралась как могла, но мужская сила бы-

ла непреодолима.

Он властно и крепко положил мою ладонь прямо на себя. И ее тут же обожгло пульсирующим жаром. Пальцы против воли обхватили его раскаленное, обнаженное естество, и по телу прошел мощнейший разряд тока.

— Держи, — выдохнул он мне прямо в губы, заставляя руку двигаться по его воле. — Раз любишь смотреть, люби и делать так. И не вздумай отпускать.

Дверная ручка спальни с коротким щелчком дернулась, и в коридоре слышался пьяный шаг возвращающейся Амины. Он тут же заткнул меня поцелуем и мой вой потонул в Эмине, пока шаги за дверью не затихли. Амина, со свойственным ей безрассудством, унеслась обратно в шумный зал, напрочь забыв про меня, а мне было уже не до нее.

Мои пальцы, зажатые во властной ладони Эмина, судорожно сжимали его раскаленную, пульсирующую плоть. Я отчетливо ощущала каждый сантиметр , и это осязаемое, пугающее знание приносило с собой невыносимый, выжигающий душу стыд. Я, приличная девушка из уважаемого тухума, студентка, лежу на чужой постели и сжимаю мужское хозяйство. Позор, смыть который на Кавказе невозможно ничем. Хотелось откровенно удавиться.

— Прошу тебя… умоляю, отпусти… — слезы жгли глаза, я захлебывалась собственным шепотом, чувствуя, как от страха и унижения кружится голова.

Эмин, среагировал мгновенно, по-медвежьи резко. Не вы-

пуская моей руки, он мощным рывком перевернулся, увлекая меня за собой. Теперь он лежал спиной к двери, полностью закрывая меня широким торсом. Если бы кто-то вошел в спальню — хоть Амина, хоть хозяева особняка, — они увидели бы лишь его, лениво развалившегося на кровати. А меня за его плечами и глухой тенью нет.

— Трогай меня, — выдохнул он, наклоняясь ниже и его темные густые кудри коснулись моего лба.

Я всхлипнула, зажмурив глаза, но его хватка на моей руке стала настойчивее. Подчиняясь непреодолимой воле, моя ладонь сделала неловкое движение вдоль раскаленной кровью кожи.

— Сама начала эту суету. Делай. Или не отпущу.

Плача от бессилия и безумно-запретного харама, я продолжала сжимать его, чувствуя, как он становится жестче и требовательнее в движениях.

— Смотри на меня, — скомандовал Эмин в губы. — В глаза мне смотри.

Я разомкнула мокрые ресницы. В полумраке спальни, едва разбавленном лунным светом из окна, наши взгляды столкнулись. И в эту секунду, по мере того как во мне просыпалась загнанная в угол смелость, я заметила, как меняется его лицо.

— Я… я не умею!

Дурман все еще туманил его взор, он был пьян, но он хотел — отчаянно, до дрожи в мощных мышцах. Хищная, без-

жалостная маска начала сползать с его резких черт. Эмин становился мягче. Он приоткрыл губы в глубоком вздохе, а в глубине потемневших, почти черных глаз вспыхнуло то, чего там быть никак не должно — странная звенящая одержимость. Он смотрел на зареванную меня так, словно что-то перевернулось в нем всё вверх дном.

Он больше не требовал. С глухим стоном Эмин подался вперед и припал к моим губам. Этот поцелуй не был похож на прежний грубый наезд. Он бережно, почти трепетно смял мой рот, вплетая нежность в мою внезапную, шальную слабость. Большой, горячей ладонью скользнул вниз и накрыл мою руку, все еще сжимавшую его. Он переплел свои пальцы с моими, и теперь мы двигались вместе, в одном сумасшедшем ритме. Он направлял меня, ускоряя темп, пока его губы продолжали пить мои слезы в бесконечном, раздирающем душу поцелуе. Внешний мир с его правилами, намысом и грозным запретом перестал существовать — осталась только звенящая темнота, запах кожи, алкоголя и мы.

Его дыхание становилось все более порывистым, обжигающим мою шею. Ладонь, сжималась сильнее, задавая общему движению бешеный, почти остервенелый темп. Я чувствовала, как он пульсирует, напрягаясь и увеличиваясь.

Стыд стоял в горле тугим комом, но сильнее него была слепая, клокочущая обида. К Амине, которая бросила меня здесь. К себе, беспомощной и слабой из-за этого чертова успокоительного. И больше всего — к нему, к пьяному чудо-

вищу, поймавшему меня. Эмин глухо застонал мне в губы, и в звуке было столько нечеловеческого напряжения. Каспийский ветер с залива рванул штору, бросая на его искаженное страстью лицо полосу лунного света: челюсти сжаты, на лбу проступила вена, а сам он на пике.

— Еся… — хрипло, почти беззвучно выдохнул он, отрываясь от моих губ всего на миг. Его глаза, черные, как грозовое море над морем, смотрели на меня с ошалелой, собственнической одержимостью.

— Ненавижу тебя… — прошипела я сквозь слезы, вкладывая в слова ярость, на которую была способна. Моя рука в его ладони продолжала двигаться против воли, пальцы деревенели. — Будь ты проклят.

— Ненавидь, — выдохнул он, и его голос дрогнул, жестко перехватил мои бедра, его обнаженное тело качнулось вперед, вжимаясь в руку так плотно, что я в полной мере ощутила его колоссальное, жесткое давление. Контроль рухнул, и Эмин сцепив зубы до скрипа, и с оглушительным, протяжным стоном излился прямо в зажатую руку, переступив последнюю черту.

Его мощное тело обмякло, он уткнулся лицом в изгиб моей взмокшей шеи, тяжело и прерывисто дыша. Разрядка на секунду оглушила его — глаза были открыты, а пальцы, до этого сжимавшие мои запястья, наконец ослабили хватку.

Меня затрясло от бешеного выброса адреналина. Ужас случившегося вернул мне остатки сил, выжигая действие

успокоительного. Воспользовавшись его минутной слабостью, я рванулась всем телом, выдирая испачканную руку и запястья из его ладони. Эмин глухо рыкнул, попытался перехватить, я уже сползла с кровати, едва не упав на ковер, и судорожно одергивая подол платья.

Он приподнялся на локтях, и его затуманенный, но мгновенно ставший свирепым взгляд фиксировал мою фигуру в полумраке.

— Ле, стоять! Куда суету наводишь?! — прохрипел он, сбрасывая ноги с постели.

Я не стала слушать. Лихорадочно вытирая ладонь о ткань юбки, я бросилась к двери. Судорожно дернула ручку, щелчок показался грохотом. Выскочила в коридор и не оборачиваясь, помчалась прочь. Позади раздался топот чьих-то шагов и яростный мат, басы музыки снизу заглушали всё вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.